

Есть ли будущее у капитализма?: сборник статей (пер. с англ. подред. Г. Дерлугьяна). 2015. М.: Изд-во Института Гайдара.

Манхейм К. 2000. Идеология и утопия. — *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист.

Мартинелли А. 2009. От мировой системы к мировому обществу? — *Социологические исследования*. № 1.

Парамонова С.П. 2012а. Симбиоз лидера и фаворита. — *Дискуссия*. № 7. С. 75–81.

Парамонова С.П. 2012б. *Динамика морального сознания*. 3-е изд., перераб. и доп. Deutschland, Saarbrücken: LAP LAMBERT, Academic Publishing GmbH & Co. KG. 443 с.

Парамонова С.П. 2013. Социально-политическая оценка фаворитизма. Самоидентификация двух поколений. — *Социум и власть*. № 3. С. 5-10.

Парамонова С.П. 2014. Политическое самосознание в повседневной практике регионов (по результатам эмпирических исследований). — *Регионы в современном мире*. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь: Березниковский филиал ПНИПУ. С. 139-149.

PARAMONOVA Svetlana Pavlovna, Dr.Sci.(Philos.), Professor of the Chair of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University (Komsomol'skiy av., 29, bld. A, Perm, Russia, 614990; socio@pstu.ru)

LATENT CONFLICTS IN THE ASSESSMENT OF THE SOCIO-POLITICAL SITUATION

Abstract. The article deals with the main aspects of the political culture, that assessed the role and typological groups (according to the moral consciousness) in different socio-economic and political situations. The author studies the place of liberty and the fall of the value of labour in the society that leads to the cognitive dissonance. However, enlightened community, technical specialists, lower-level managers offer options for pulling out of the crisis. The author assesses the social situation and the factors of promotion of the political favorites.

Keywords: historical society, Russia and the world, self-identification of society, correlation of assessments of situation

---

УДК 316.47

РЕУТОВ Евгений Викторович — к.соц.н., доцент; доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutovevg@mail.ru)

РЕУТОВА Марина Николаевна — к.соц.н., доцент; доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (reutova@bsu.edu.ru)

ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна — к.соц.н., доцент; доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, 46; shavyrina_77@mail.ru)

ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Аннотация. В статье на основе результатов социологического анализа выявлено, что около 2/3 населения при определенных условиях может являться резервом общественных инициатив и движений. Гражданское участие в общественном сознании постепенно приобретает характер модальной ценности и уже не рассматривается как маргинальная практика.

Рассматривается взаимосвязь между установкой на институционализированное общественное участие и такими показателями социальной солидарности, как удовлетворенность отношениями с окружением

и доверие к общественным и государственным институтам. Авторы резюмируют, что благоприятный социальный климат в локальных сообществах не только зависит от уровня гражданской активности их участников и готовности к ее проявлению, но и сам является результатом развития активистских практик и установок.

Ключевые слова: общественное участие, социальное доверие, активистские практики, социальная солидарность

Проблематика социальной солидарности периодически возникает в российском общественно-политическом дискурсе. С одной стороны, актуализация проблем интеграции, консолидации, солидарности стала реакцией на высокий уровень социальной разобщенности и атомизации российского общества, с другой — ответом на политический заказ, сформированный в рамках консервативного тренда 3-го президентского срока В. Путина. Хотя необходимо отметить, что включение идеи солидарности в общественный дискурс произошло несколько ранее — в рамках разработки соответствующих региональных концепций и идеологием, а также благодаря активной поддержке РПЦ. Так, с конца нулевых годов идея солидарности как ключевого целевого ориентира развития общества стала концептуально оформляться в Белгородской обл., реализовавшись в итоге в принятии Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы, утвержденной постановлением правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп. Идея солидарности фигурировала в качестве центральной темы XVII Всемирного русского народного собора (2013 г.), сформулированной как «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». В начале 2015 г. патриарх Кирилл в очередной раз вернулся к идее солидарности как ключевой, традиционной для российского общества, в противовес конкуренции¹.

Очевидно, что позиция патриарха, противопоставившего солидарность и конкуренцию, является не единственным концептуальным обоснованием идеи солидарности российского общества. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, следует отметить, что конкуренция, как и конформизм, естественны для любой дифференцированной социальной системы. Вопрос лишь в пределах, сдерживающих и то и другое. В российском обществе молчаливая лояльность (терпение) всегда была в избытке. И этому много причин — социальных, социокультурных, политических и пр. Неготовность же индивида мириться с обстоятельствами и стремление изменить их нередко негативно воспринимаются социальным окружением и институтами контроля.

Целью данной статьи является характеристика потенциала общественного участия населения региона и его влияния на такие показатели солидарности, как удовлетворенность отношениями с окружением и доверие государственным и общественным институтам. Эмпирической основой исследования стали результаты социологического опроса, проведенного в Белгородской обл. по репрезентативной выборке ($N = 1\ 004$).

Результаты опроса позволяют утверждать, что активная гражданская позиция постепенно приобретает характер модальной ценности. Так, респондентам был задан вопрос о том, как они относятся к людям, «которые пытаются как-то организовать других людей, решить какие-то общие проблемы, собирают подписи, собрания». Лишь у десятой части опрошенных (10,76%) такая жизненная позиция вызывает подозрения, немногим более половины респондентов (53,98%) отметили уважительное отношение к таким общественникам; остальные же 35,26% респондентов затруднились определить свое отношение.

При этом, судя по ответам на последующие вопросы, мнение респондентов о людях, проявляющих общественную активность, в большинстве случаев не абстрактно, а имеет под собой реальные основания. Так, в общей сложности 72,91% опрошенных отметили наличие таких общественников в своем окружении. Правда,

¹ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии III Рождественских парламентских встреч. Доступ: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3960558.html> (проверено 11.02.2015).

лишь у 14,94% респондентов таких людей в окружении много. Как правило, они немногочисленны, на что указали 57,97% респондентов. Не имеют в своем окружении общественных активистов 26,69% опрошенных.

Наличие в ближайшем и опосредованном окружении позитивных примеров гражданского активизма в значительной мере обуславливает декларируемую готовность респондентов самим включиться в соответствующие практики. Естественно, декларируемая готовность не ведет автоматически к переходу к конкретным действиям. Прежде всего, помимо преодоления социокультурного барьера – сформировавшейся установки на атомизированный образ жизни, необходим комплекс факторов, связанных, прежде всего, с нарушением привычного образа жизни, конфигурации сложившихся отношений с внешней средой. Почти для трети респондентов (29,08%) – это нарушение их прав. В этом случае они могли бы изменить привычный образ жизни и включиться в активистские практики. Нарушение прав окружающих может быть стимулом уже для меньшего числа респондентов – 13,15%. Однако уровень декларируемого альтруизма, в целом, довольно высок, поскольку еще 30,48% опрошенных готовы включиться в общественные инициативы, «если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы». Только 15,14% респондентов указали на невозможность стать общественником в принципе – вне зависимости от какой-либо ситуации. И еще 13,55% затруднились с ответом. Таким образом, около 70% населения являются резервом для общественных организаций и движений.

Аналогичным образом тенденцию к росту бескорыстных, альтруистических мотивов общественного участия зафиксировало исследование Института социологии РАН (2014 г.). И это – принципиальное изменение ситуации в российском обществе, «поскольку еще совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, “продвинутое” меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная» [Петухов и др. 2014: 14].

Возможность своего включения в работу какой-либо общественной организации на постоянной и безвозмездной основе отмечают 46,02% респондентов при 28,69% исключаящих такую возможность. 25,30% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. Тем не менее тот факт, что практически половина опрошенных рассматривают себя в качестве потенциальных участников общественных объединений, говорит уже не только о возможности их мобилизации на «разовые» гражданские инициативы, но и об установке на институционализированное гражданское участие постоянного либо возобновляющегося характера.

Как было отмечено ранее, диагностика отмеченных показателей осуществлялась также с целью выявления корреляции между установкой на институционализированное гражданское участие и субъективной оценкой качества социальных отношений (в горизонтальном и вертикальном измерениях). Одной из гипотез исследования было предположение о том, что наличие активистских установок, готовность к гражданскому участию, к кооперации влияют на позитивный социальный климат в локальных сообществах и на формирование солидарных отношений.

Среди респондентов, допускающих для себя возможность постоянной безвозмездной работы в общественной организации, отношения с родственниками оценивают как хорошие, доброжелательные 93,51%, как плохие, напряженные – 0,00%. Среди респондентов, исключаящих для себя возможность работы в общественной организации, оценивают свои отношения с родственниками как хорошие 89,58%, как плохие – 2,08%.

Среди тех, кто допускает возможность работы в общественной организации, отношения с соседями оценивают как хорошие 67,53%; среди тех, кто исключает такую возможность – 65,28%. И в том и в другом случае разница находится в пределах статистической погрешности. Однако нужно учесть, что доля оценивающих отношения как с родственниками, так и с соседями в позитивных коннотациях, велика сама по себе. Поэтому внутри данной подгруппы различия по иным параметрам сглаживаются.

Однако при увеличении радиуса социальных отношений наличие установки на

работу в общественной организации повышает вероятность их позитивной оценки. Так, 54,11% тех, кто считает для себя возможной работу в общественной организации, оценивают отношения между людьми в городе (поселке, селе), в котором они проживают, как хорошие, доброжелательные. Среди тех, кто такую возможность исключает, доля позитивных оценок составляет 45,14%.

То же самое касается и оценки «вертикальных» коммуникаций – с представителями официальных учреждений. Респонденты, допускающие возможность работы в общественных организациях, более склонны оценивать отношение к ним со стороны сотрудников государственных и муниципальных учреждений как хорошие, доброжелательные (35,50% против 27,78% среди тех, кто исключает для себя возможность общественной работы).

Еще в большей степени наличие установки на институционализированное общественное участие влияет на доверие публичным институтам. Так, среди допускающих личное участие в деятельности общественных структур в той или иной мере доверяют руководству области 69,70%; среди исключających такое участие – лишь 47,23%. Разница весьма ощутима – 22,47 п.п. То же самое касается и доли не доверяющих руководству. Среди допускающих общественную работу она составила 22,07%, среди исключających ее – 38,89%. Разница – 16,82 п.п.

Среди допускающих личное участие в деятельности общественных структур в той или иной мере доверяют руководству городского округа (муниципального района) 64,50%; среди исключających такое участие – лишь 45,83%. Разница, таким образом, составляет 18,67 п.п. То же самое касается и доли не доверяющих муниципальному руководству. Среди допускающих общественную работу она составила 26,41%, среди исключających ее – 38,89%. Разница – 12,48 п.п.

Среди допускающих личное участие в деятельности общественных структур в той или иной мере доверяют правоохранительным органам 63,21%; среди исключających такое участие – лишь 40,97%. Разница – 22,24 п.п. То же самое касается и доли не доверяющих правоохранительным органам. Среди допускающих для себя работу в общественных организациях она составляет 31,17%, среди исключających ее – 49,30%. Разница – 18,13 п.п.

Естественно, что наличие/отсутствие установки на работу в общественной организации очень сильно связано с доверием самим общественным организациям. Среди допускающих личное участие в деятельности общественных организаций в той или иной мере доверяют им 57,14%; среди исключających такое участие – лишь 36,11%. Разница – 21,03 п.п. То же самое касается и доли не доверяющих общественным организациям. Среди допускающих общественную работу она составила 30,74%, среди исключających ее – 42,36%. Разница – 11,62 п.п.

Среди допускающих личное участие в деятельности общественных организаций в той или иной мере доверяют СМИ 55,85%; среди исключających такое участие – лишь 43,06%. Разница – 12,79 п.п. То же самое касается и доли не доверяющих СМИ. Среди допускающих общественную работу она составила 38,10%, среди исключających ее – 49,31%. Разница – 11,21 п.п.

В подгруппе респондентов, допускающих личное участие в деятельности общественных организаций, в той или иной мере доверяют церкви, религиозным организациям 66,23%; среди исключających такое участие доверяющих ощутимо меньше – 50,69%. Разница – 15,44 п.п. Фактически та же разница – в доле не доверяющих. Среди допускающих общественную работу она составила 25,11%, среди исключających ее – 40,28%. Разница – 15,17 п.п.

Таким образом, проведенный социологический анализ выявил значимость установки на институционализированное общественное участие для таких показателей социальной солидарности, как удовлетворенность отношениями с окружением и доверие общественным и государственным институтам. Вместе с тем следует отметить неочевидность прямой причинно-следственной связи между этими переменными. Скорее всего, эта взаимосвязь имеет статистический характер. То есть, благоприятный социальный климат в локальных сообществах не только зависит от уровня гражданской активности их участников и готовности к ее проявлению, но и сам является результатом развития активистских практик и установок.

Если зависимость между установкой на институционализированное общественное участие и позитивной оценкой отношений с окружением является относительно слабой и проявляется, прежде всего, на мезоуровне (город, поселок, село), то связь данной установки с доверием общественным и государственным институтам выглядит бесспорной. В наибольшей степени данная зависимость проявляется применительно к доверию руководству области и муниципального района (городского округа), правоохранительным органам, общественным организациям и церкви.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. Е.В. Реутов).

Список литературы

Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. 2014. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия. — *Власть*. № 9. С. 11-19.

REUTOV Evgenij Viktorovich, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (Pobedy St, 85, Belgorod, Russia, 308015; reutovevg@mail.ru)

REUTOVA Marina Nikolaevna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor, Senior Lecturer of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (Pobedy St, 85, Belgorod, Russia, 308015; reutova@bsu.edu.ru)

SHAVYRINA Irina Valerjevna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor, Senior Lecturer of the Chair of Sociology and Management, Shukhov Belgorod State Technological University (Kostyukova St, 46, Belgorod, Russia, 308012; shavyrina_77@mail.ru)

THE POTENTIAL OF PUBLIC PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL SOLIDARITY

Abstract. Sociological analysis revealed that under certain conditions about two thirds of the population can be interpreted as a reserve of public initiatives and movements. Civil participation in the public consciousness gradually assumes the character of the modal value and is not regarded as a marginal practice.

Interrelation between orientation to institutionalized public participation and such indicators of social solidarity as satisfaction with the relationship in the close social groups and the trust to public and state institutions is detected. Thus, favorable social climate in local communities doesn't depend only on the level of civic engagement and the willingness of participants to its manifestation, but on the result of the development of activist practices and attitudes.

Keywords: public participation, social trust, activist practices, social solidarity